

Были: город; вокруг города пригород; за пригородом лес. Город – городом и стоит; пригород расползся крашеными кровлями вширь; а леса – нет: растаскали лес врозь на полозьях, колесах и гнутых спинах. Попробовал было подняться еще раз дымными стволами над тысячью низких кирпичных труб, да ветром сваяло: и нет леса. Нет.

А где был – поле, пнями поросшее: отовсюду торчками – пни, пни, пни. Вот уже два года отошло, как сваяло лес, а все еще от пня к пню, по старой лесной повадке, мшятся мхи, топырит плоские, в зеленых перчатках, пальцы папоротник. Земля изрыта кротовым ходом, не затянута травой путанные лесные тропки, а на всхолмий все еще и посреди пней лесная сторожка. На стене краской: "Лесн. уч. 7 ст. Ъ 2".

Сторожка привыкла к крову из листа и игл, а теперь стоит с оголенными стенами. Окно зажмурило диктовым веком, плотно зажата войлоком крытая дверь. И только дымок, качаемый ветром, говорит, что в сторожке не пусто.

Я люблю прогулки по "бывшему" лесу. Люблю заходить к старому Филатычу, блюдущему теперь пни, как раньше тысячеустное лесное уголье. Филатыч тут уж тридцать девятый год. Помнит время, когда и города не было, а была кругом, куда глазом ни кинь, лесная заросль: от опушек до опушек не считаны версты.

Сев у крылечка, бородою в грудь, с трубкой, зажатой меж пустых десен, Филатыч любит повспоминать:

– Всего, всего тут было: и звериного рыску, и птичьих щекотов; и травы пахучие, синецвет, горькое зелье, целебное коренье тож. Встанешь с зорями – земля росами Богу плачется, сверху синь-синя, а кругом все так и застывило, будто только и есть на свете – лес да небо. И тишь нерушимая; в жары тень, Богом стланная. Прохлаждайся. И человек зря земли не топтал. Да. Ну да ладно. Пойти разве участок проверить.

Старик, кряхтя, разгибает колени.

– Зачем, Филатыч, и так видно кругом. Да и кому нужны твои пни?

Старик сердито стучит дутьшем трубки о ладонь:

– Видно. Коли тебе видно, так и видь, а мое дело – служба. Приставлен я к лесу или нет?

– Приставлен.

– Ну и...

Старик идет меж пней. И я за ним. Шагает он всегда по тропе, медленно обходя деревянные торчки, как если б вокруг все еще был старый, привычный мачтовый бор.

Меж мхов одиночится сломанная юная березка. Кто-то (и не нужна, видно, она ему была) порвал березке пилой кору, пригнул листьями к земле, так что ключьями из-под коры заголилось нежное тело, и бросил так – недорубком.

– И к дитенку у них жали нет. Насильники.

Старик сердито водит бровями, сгибаясь сухим, будто тоже надрубленным телом над обезлиственной березкой.

Идем дальше.

Старый дуб снят пилой у самой земли: выщерился трухлявым дуплистым пнем в небо. Но у корня вялая поросль в три слипшихся блеклых листика.

– Ишь, старый, балуется, – шепчет Филатыч любовно, и улыбка разводит беззубые десны.

А я смотрю по горизонталям:

– Гляньте, Филатыч, у пригорода обоз. Вozов двадцать. С чем бы это?

Но старик снова хмурится и упрямо смотрит вниз – в мхи и тропы: он в лесу; никакого ни пригорода, ни города, сквозь чашу ведь не разглядишь. Да, может быть, и не строен, не тесан еще город, а вокруг, как и встарь, лесная дремучая заросль: от опушек до опушек не считаны версты.

И, потоптавшись на согнутых коленях меж пней и щеп, старик поворачивает назад – к дымку:

– Седьмой участок, против него, скажу тебе, не сыскать. Тут наезжали, годов тридцать тому, лесничий с лесоводами – "дерево считать". Считали, считали, нет, говорят, на счетах костей нехватка, за костями бы в город съездить. А город где? Да-а, большая сила у леса этого, так и стволится, так тебе и прет комлем в синь-небо. И уехали: не сосчитали.

Вечереет. Сумерками и мглами застлало даль. Без дали старику легче, удобнее. Теперь он и приветливее и веселее:

– Отночевал бы ты, сударь, в сторожке. Ночью неспокойно у нас в лесу-то. Заплутаешься еще: дороги трудные.